

простые ОТВЕТЫ
верные ВОПРОСЫ ^{на}

Под общей редакцией
Архиепископа Егорьевского
Марка (Головкова)

Сборник Простые ответы на вечные вопросы

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11828928

*Простые ответы на вечные вопросы / Под общ. ред. Архиепископа
Егорьевского Марка (Головкова). – 2-е изд.: ДАРЬ; Москва; 2012*

ISBN 978-5-485-00364-7

Аннотация

Эта книга призвана помочь читателю найти ответы на вечные вопросы: зачем я живу на этой земле? в чем смысл моего существования? где Бог, когда творится зло? Авторы сборника показывают, насколько наша жизнь связана с религией. Доступность изложения и разнообразие тем привлекут самую широкую читательскую аудиторию.

Содержание

Предисловие	5
Человек и его вера	7
Человек	7
Вера	12
Библия	16
Евангелие	21
Христианство	25
Православие	30
Католичество	35
Протестантизм	40
Вериги	46
Вечные вопросы	51
Разум	56
Наука и вера	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

**Простые ответы
на вечные вопросы
Под общей редакцией
Архиепископа
Егорьевского
Марка (Головкова)**

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви No ИС 11-025-2696

Предисловие

Дорогой читатель!

Эта книга – сборник текстов, которые были написаны несколькими авторами в рамках совместного проекта Русской Православной Церкви и Радио России под общим названием: «Мир. Человек. Слово». Этот цикл имеет просветительскую направленность и призван познакомить наших соотечественников с содержанием основных религиозных понятий. Более пяти лет передачи, подготовленные на основе публикуемых текстов, идут в эфире самой крупной радиостанции нашей страны. Представленные тексты затрагивают широкий круг вопросов. В первую очередь, они касаются мира религии и дают представление о том, насколько глубока и существенна для человека эта тема. Названия некоторых заголовков могут вызвать удивление. Казалось бы, какое отношение к религии имеют темы национализма, демократии или феминизма? Оказывается, имеют, и самое прямое. Авторы текстов показывают, насколько наша жизнь связана с религией. И многие современные явления вырастают в нашу жизнь из глубины веков, неся на себе отпечаток религиозных представлений. При подготовке материалов авторы стремились избежать схоластики и скучного повторения общеизвестных истин. Предлагаемый подход сочетает верность святоотеческому богословию, широкое использование

философской мысли, открытость художественному восприятию мира. Выражаю надежду, что публикуемые материалы будут с интересом восприняты читателями.

Звуковые файлы публикуемых текстов доступны на сайте www.mir-slovo.ru.

Марк (Головков), архиепископ Егорьевский, руководитель Управления Московской Патриархии по зарубежным учреждениям

Человек и его вера

Человек

«Все – в человеке, все для человека! Существует только человек, все же остальное – дело его рук и его мозга! Человек! Это – великолепно! Это звучит... гордо! Хорошо это... чувствовать себя человеком!.. Я – арестант, убийца, шулер... ну, да! Когда я иду по улице, люди смотрят на меня как на жулика... и сторонятся и оглядываются... и часто говорят мне – “Мерзавец! Шарлатан! Работай!” Работать? Для чего? Чтобы быть сытым? (Хохочет.) Я всегда презирал людей, которые слишком заботятся о том, чтобы быть сытыми... Не в этом дело! Человек – выше! Человек – выше сытости!..»¹

Этот яркий образ, созданный М. Горьким, образ человека, опьяненного своей безграничной свободой, во многом определил судьбу трагического XX века. Слова «буревестника революции» неспроста были исполнены пророческого пафоса – если Бога нет, тогда все позволено человеку...

Человеку позволено все...

Он даже может безнаказанно стать на место Бога, поднять к небу сжатый кулак – и поставить памятник Иуде... И тот

¹ Горький М. На дне.

же человек может броситься в ледяную воду, рискуя своей жизнью ради незнакомого ребенка... Один и тот же человек может кричать в своих книгах: «Подтолкни падающего!» – а в жизни быть робким и стеснительным мечтателем, вызывающим симпатию самых простых людей – каким и был Фридрих Ницше... Странное все-таки это существо – человек!..

На портике Дельфийского храма неведомый мудрец начертал: «Познай себя». Этот призыв поставил перед человечеством задачу не из легких – понять, что же такое человек? Когда этот вопрос задали Платону, он ответил: «Человек – это животное, только без шкуры». Вскоре к нему пришел Диоген, известный своей скандальной репутацией. Он принес Платону ощипанного петуха и спросил, является ли этот петух без перьев человеком... Ученик Платона, Аристотель, запомнив этот урок, говорил о человеке уже как о животном, наделенном разумом... На этом древняя мысль философов была вынуждена остановиться – ведь сначала надо было понять, что же такое разум...

Но был и другой ответ на вопрос о человеке. На Ближнем Востоке жил еврейский народ. Этот народ бережно хранил то, что было открыто Самим Богом: человек – не просто «разумное животное», но «животное, получившее повеление уподобиться Богу». Что стояло за загадочными словами – «образ и подобие Божие» – в то время могли только догадываться. Глубина этих слов раскрылась с рождением Иисуса Христа, Сына Божия – и Сына Человеческого. Адам, пер-

вый человек, был создан для вечной жизни в раю. Устремляясь всей душой к своему Творцу, пребывая в Его безграничной любви, Адам и Ева были призваны объединить весь сотворенный мир – и привести его к Богу. Человек был поставлен между Невидимым Богом и видимым миром как связующее звено: его душа постоянно общалась с Богом, телом же человек пребывал на земле. Об этом вдохновенно говорит Г.Р. Державин:

Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей Ты телесных,
Где начал Ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.
Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества...

Человек был призван стать для остального мира тем, кем Бог был для него самого, – источником освящения, любви, гармонии и счастья. Но прародители не удержались перед соблазном своими силами стать богами помимо Бога: уж больно проста и заманчива была речь змея. И человек все-таки ослушался Бога, нарушил запрет – а богом так и не стал: совершённый грех поселил в его сердце сладкий, дурманящий

яд самолюбия, который занял в душе место Бога. Отвернувшись от источника жизни – Бога, – Адам попадает в цепкие объятия смерти. С этого момента природа воспринимает человека не как покровителя, а как врага и отказывается его слушаться.

Но Божественный замысел не был уничтожен грехом человека: призвание первого Адама будет выполнено вторым Адамом, Иисусом Христом.

И действительно, Христом открывается новая страница в истории человечества: стена отчуждения между человеком и Богом разрушена Воплощением, зараза греха истреблена Крестной смертью, и сама смерть побеждена Воскресением! Христос становится родоначальником нового человечества – рождающегося не от плоти и крови, но от Духа. Отныне главной задачей человека становится уподобление истинному Человеку – Христу, причем уподобление не внешним образом, но через непосредственное приобщение Ему в Таинствах Церкви.

В словах М. Горького: «Человек – выше сытости!» – скрыта глубокая истина. Человек не только выше сытости. Он не только выше жалости. Он выше всего видимого мира, ибо в нем – начало Вечности. И никуда не скрыться от этой жажды Вечности. Именно в этой жажде – ключ к признанию безбожника Кириллова в «Бесах» Достоевского: «Я мучаюсь из-за Бога всю жизнь». И в этой жажде – источник вечной жизни тех, кто открывает себя Богу. «Если Бога нет – все дозво-

лено». Но если Бога нет – то нет и человека. Ибо тогда все – абсолютно все – равно. И в этой жуткой очевидности нельзя не ощутить запаха тления... Но нет же, нет:

Твое создание я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ Податель,
Душа души моей и Царь!
Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! в бессмертие Твое².

Протоиерей Павел Великанов

² Державин Г. Бог.

Вера

Страшен мне «подводный камень веры»,
Роковой ее круговорот!³

Есть в Библии один эпизод, который не может не смутить. Это – поступок Авраама, когда он по повелению Бога отправляется на гору Мориа, чтобы принести в жертву своего сына – единственного, долгожданного, любимого. Сына, которого Бог даровал Аврааму и Сарре в глубокой старости... В сердце невольно закрадывается вопрос: неужели Бог Библии настолько жесток, что хочет отнять у человека самое дорогое?

...Авраам встал рано утром, оседлал осла, взял с собой своего сына Исаака, наколот дров для всежжения и пошел на место, о котором сказал ему Бог. Они шли целых три дня. Мы не знаем, о чем думал Авраам все эти три долгих дня пути. Но мы знаем точно, что он все-таки шел к горе, на которой должен был убить собственного сына.

Но почему он все-таки шел? Шел к ясной – страшной! – цели, а не кричал, не умолял Бога о пощаде? Почему он вообще пошел, а не стиснул в объятиях единственную отраду старости: «Нет, не отдам!!!»

³ *Мандельштам О.* «В изголовье черное распятые...».

Здесь лежит предел нашему обычному, житейскому пониманию. Кто-то на этом остановится, назвав Авраама безумным фанатиком, а религию – сумасшествием. Но ведь можно попробовать этот предел переступить – и тогда заглянуть в тайну веры.

...Когда они подошли к месту, Исаак спросил Авраама: «Отец, вот огонь и дрова, но где же агнец для всесожжения?» – «Бог усмотрит Себе агнца, сын мой...» Авраам устроил жертвенник, разложил дрова и, связав сына своего Исаака, положил на жертвенник. Мгновение – и уже занесена рука с ножом, но вдруг – голос с неба: «Авраам! Авраам! Не поднимай руки твоей на отрока! Не делай над ним ничего, ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня». И тут Авраам увидел позади овна, запутавшегося в чаще рогами своими. Его-то и принес он в жертву вместо сына своего...

Зачем нужно было Богу так поступить с Авраамом? Разве Бог не знал, что Авраам и так верит в Него – верит в то, что все, сказанное Богом, сбывается? Авраам помнил, как по повелению Бога старая, бесплодная Сарра родила сына? Верил ли Авраам в Бога? Бесспорно! Но верил ли Авраам Богу? Да – и поэтому за все три долгих дня пути он ни разу не задал Богу вопрос: «Почему?» Авраам не просто верил – он так вверил Богу все, что имел, – и себя самого, и жизнь свою, и отраду свою, и надежду свою – сына своего возлюбленного, – что не мог не пойти. Он не понимал как, он не

задумывался о том, почему, – но верил в то, что Бог не причинит никакого зла ни ему, ни его сыну. С тех пор Авраам – отец всех верующих, образец веры.

Подвиг Авраама в том, что его вера Богу оказалась сильнее всего остального, всего нашего, человеческого: любви, сознания, долга, разумности. Сильнее всего того, что часто, словно кокон, обвивает нашу жизнь, создавая иллюзию устойчивости, обеспеченности, уверенности в завтрашнем дне. Только вся беда в том, что этот кокон зачастую оказывается сильнее растущей в нем бабочки, и не может она расправить крылья, чтобы явить миру свою красоту. Чтобы оторваться от земли – надо оттолкнуться. Чтобы душа увидела Бога – надо отбросить все земное с такой силой, чтобы этот рывок достиг Небес. И душа Авраама была готова к этому. Подвиг его веры действительно «сдвинул» небеса к земле: если человек готов отдать Богу все, то и Бог не замедлит отдать Свою жизнь на Кресте ради спасения человека...

Сегодня подвиг религиозной веры кажется в лучшем случае странным. «Люди объезжают кругом весь свет, чтобы увидеть разные реки, горы, новые звезды, редких птиц, уродливых рыб, нелепые расы существ, и воображают, будто видели нечто особенное. Меня это не занимает. Но знай я, где найти рыцаря веры, я бы пешком пошел за ним – хоть на край света». Эти слова сказаны Сереном Кьеркегором, датским мыслителем, который в преддверии XX века наглядно показал, что лишенный веры человек обречен на сизифов

труд по заполнению внутренней пустоты.

Религиозная вера не только «верит в Бога» и «доверяет Богу». Бог также верит в человека, верит даже тогда, когда сам человек перестал верить себе.

Вера Авраама – ас ним и любого верующего – всегда жертвенна. Гораздо легче верить в могущество денег, силу связей, в себя, в «человечество». Ведь такая вера дает, ничего не отнимая. Но житейская вера не может родить нового человека, она лишь обхаживает плоть – в итоге дряхлеющую и умирающую. Религиозная же вера требует всего человека целиком, но зато и открывает врата жизни вечной:

Образ твой, мучительный и зыбкий,
Я не мог в тумане осязать.
Господи! – сказал я по ошибке,
Сам того не думая сказать.
Божье имя, как большая птица,
Вылетело из моей груди.
Впереди густой туман клубится,
И пустая клетка позади...⁴

Протоиерей Павел Великанов

⁴ *Мандельштам О.* «Образ твой, мучительный и зыбкий...».

Библия

Если бы какой-нибудь человек из древности вдруг оказался среди нас, он бы подивился не только нашим автомобилям, телевидению да компьютерам. Он даже удивился бы не тому, как много – по сравнению с ним – мы читаем. Его бы, скорее, глубоко потрясло то, что мы читаем. «Как странно, – сказал бы он. – Что ищет нынешний читатель в книге? Захватывающий сюжет? Красивые слова? Умные мысли? Или чтобы было "все в одном"? Но зачем? Вокруг – те же страсти, радости и горести, что и сто, и тысячу лет тому назад: какой интерес все это пережевывать многотысячными страницами изданий? Хочется, подобно Диогену, ходившему днем с фонарем и искавшему в толпе людской Человека, закричать: "Где Книга!!! Ищу Книгу! Дайте ту Книгу, которую нельзя читать на подножке автобуса или развалившись в кресле! Где та Книга, которую годами переписывали в уединении, которая одна была целым состоянием? Где та Книга, которая бережно передавалась из поколения в поколение как бесценное сокровище? Где та Книга, которую многие и мудрецы, и простолюдины всю жизнь носили с собою – едва ли не единственную свою поклажу! Где же Библия – единственная Книга книг, Вечная Книга, которая веками оставалась книгой самой читаемой и любимой?"»

Но нашего гостя ждет разочарование. Вот уже пошел тре-

тий десяток лет, как бестселлером стала не Библия, но... Книга рекордов Гиннеса! Почему? Это вопрос ко всем нам.

Раньше, когда не было книгопечатания, когда нельзя было одним нажатием кнопки запустить многотысячный тираж, человек хорошенько думал, прежде чем начинал писать. И если человек решался что-то записать, значит, это имело большое значение. Если то, что было записано, бережно хранилось веками – даже когда исчезали с лица земли не только города, но и целые страны – значит, это было важнее родного дома и самого государства. И этим было то, что нельзя ни в коем случае потерять, или испортить, или исказить: каждой буквой которого дорожили – было бы странным, если бы так оберегали слова человеческие. Конечно же, нет; люди веками трепетно хранили то, что Сам Бог открыл, а человек записал – Священное Писание, или Библию.

Само слово «Библия» – это греческий перевод древнееврейского слова «сефарим» – книги. Так еще в дохристианский период стали именовать свидетельства Божественного Откровения, записанные мудрецами и пророками Израиля. В Откровении человеку даровалось то, что не могло быть получено ни из жизненного опыта, ни из наблюдения за окружающим миром, ни из пределов человеческого разума.

Когда мы берем в руки книгу, мы стараемся услышать речь, обращенную к нам. Когда мы открываем Библию, перед нами простирается вся история мира и рода человеческого – от первых мгновений творения до последних судеб

стран и народов – еще не наступивших. «В начале сотворил Бог небо и землю» – так начинается Библия. «Ей, гряди, Господи Иисусе!» – это зовет свидетель Божественного Откровения, или Апокалипсиса, апостол Иоанн Богослов. Библия писалась не в пример современным бестселлерам долго – почти на протяжении 2000 лет. Писалась разными людьми – и образованными книжниками, и простыми рыбаками, и знатными царями, и малоизвестными авторами. Но нет в ней пестроты: она удивительно целостна. Ведь разными устами говорил Один и Тот же, перед Которым весь бег наших столетий – как один день...

Но Бог Библии – это Тот, Кто Сам делает первый шаг навстречу человеку. Это Тот, кто открывает о Себе нечто такое, что впоследствии веками пытается понять человеческий разум – и то не всегда может. Бог, Который открывается в Ветхом Завете, – не безликая космическая Мощь, а Творец, создавший все Своей волей и Словом. Он свят, то есть обладает неисповедимой природой, абсолютно отличной от всего тварного: «Мои мысли – не ваши мысли, ни ваши пути – пути Мои, говорит Господь. Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших». В Библии Бог не просто говорит что-то о Себе: нет, Бог Сам входит в человеческую историю и становится неотъемлемой ее частью. В Библии Бог скорее действует, нежели чем говорит. Но Он входит в жизнь, а не врывается: *Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, вой-*

ду к нему, и буду вечером с ним, и он со Мною (Откр. 3, 20). Поэтому Бог Библии – это Бог, который заключает договор, завет между Собой и человеком.

Весь Ветхий Завет – первая часть Библии – наполнен живым присутствием Бога в истории еврейского народа. Смысл этого завета состоял в том, что если народ будет жить по заповедям – условиям этого договора, – Бог никогда не оставит его: более того, именно в этом народе родится Мессия – Спаситель, Который снова откроет врата Эдема – райского сада.

И Бог исполнил свой завет. С рождением, Крестной смертью и воскресением Иисуса Христа открывается Новый Завет – заключенный уже не с одним еврейским народом, но со всем человечеством. Новый Завет и составляет вторую часть Библии. И снова здесь мы скорее видим, нежели чем слышим Христа: ведь Сам Иисус Христос ничего не написал. Его целью было не научение правилам поведения или же высшей мудрости. Он пришел спасти человека, а не просто чему-то его научить.

Почему же в христианстве Библии воздается такое почитание? Священное Писание для верующего являет Бога таким, каков Он есть на самом деле, а не так, как Его представляет человек. И в этом – вся ценность Библии. В этом же и вся сложность Библии: неудивительно, что не всегда этот образ Бога оказывается понятным во всем с первого взгляда: ведь Его образ невозможно увидеть мельком, мимохо-

дом: в Него всматриваются годами, точнее – всей своей жизнью...

Конечно, хорошо прочитать всю Библию целиком. Но это по силам далеко не каждому. Поэтому лучше начинать чтение с тех книг, в которых перед нами открывается Лик Иисуса Христа – средоточия и Ветхого, и Нового Заветов. Это, прежде всего, Евангелия, Деяния и послания апостолов. Далее хорошо прочитать Книгу Бытия, в которой рассказывается о творении и первой истории мира и человека. Большую духовную пользу принесет также чтение книг Притчей и Екклесиаста. Псалтирь, книга молитвенных обращений души к Богу, на протяжении тысячелетий была любимым чтением, в котором каждый находил псалмы, звучащие словно из глубины собственного сердца.

Вот почему Библия стала первой переведенной, первой печатной и, наконец, первой имеющей всемирное значение книгой. Вот почему перевод Библии на народный язык нередко становился началом появления литературной письменности данного народа. И мы надеемся, что эта Книга книг еще не раз приоткроет нашему слушателю бесценную сокровищницу Премудрости Божией.

Протоиерей Павел Великанов

Евангелие

...Это произошло во Франции летом 1928 года. Под Парижем был организован летний лагерь для детей эмигрантов. В то утро стоял переполох – ожидали приезда знаменитого богослова. Среди детей многие имели смутное представление о христианской вере: оказавшись на чужбине, подростки легко забывали свои православные корни. Одним из таких детей был и 14-летний Андрей Блум, сын российского дипломата.

Беседа с гостем началась. Андрея, как и многих сверстников, тогда увлекали военные темы, особенно героизм русских солдат. Не раз он слышал, что основой для героизма была вера в Бога. Но каково же было его разочарование, когда богослов заговорил! «Он говорил о Христе, о Евангелии, о христианстве, доводя до нашего сознания все сладкое, что можно найти в Евангелии, от чего как раз мы шарахнулись бы, и я шарахнулся: кротость, смирение, тихость – все рабские свойства, в которых упрекают христиан, начиная с Ницше и дальше. Он меня привел в такое состояние, что я решил ехать домой, обнаружить, есть ли у нас дома где-нибудь Евангелие, проверить и навсегда покончить с этим».

Приехав домой, Андрей открыл Евангелие и пришел в недоумение – оказалось, Евангелий целых четыре! Пришлось выбирать. Оценив объем каждого Евангелия, Андрей

остановился на самом коротком – от Марка. Чтение давалось с трудом – непривычный язык не поддавался желанию поскорее покончить с этим «приторным» христианством. Но вскоре у него появилось ощущение, что с каждой прочитанной строчкой что-то меняется. «Я сидел, читал, и между началом первой и началом третьей главы Евангелия от Марка вдруг почувствовал, что по ту сторону стола, тут, стоит Христос. И это чувство было настолько разительное, что мне пришлось остановиться, перестать читать и посмотреть. Я смотрел долго; ничего не видел, не слышал, чувствами ничего не ощущал. Но даже когда я смотрел прямо перед собой на то место, где никого не было, у меня было яркое сознание, что тут несомненно стоит Христос. Помню, я тогда откинулся и подумал: если Христос живой стоит тут – значит, это воскресший Христос; значит, я достоверно знаю лично, что Христос воскрес и, значит, все, что о Нем говорится, – правда»...

Потом, будучи уже взрослым, Андрей принял монашество с именем Антоний. Вскоре весь христианский мир узнал об удивительном человеке, «апостоле Англии», митрополите Сурожском Антонии, который всю свою жизнь посвятил проповеди христианства.

Подобных случаев не перечесать. И в самый разгар борьбы с религией те, кто открывали Евангелие, чтобы посмеяться, нередко закрывали его, глубоко задумавшись... Но над чем? В чем загадка этой книги?

Как мы уже говорили в предыдущей передаче, Иисус Христос Сам ничего не писал. И если мы думаем, что задачей евангелистов, написавших Евангелия, было изложить биографию Христа, – нас ожидает разочарование. Евангелия больше похожи не на обстоятельное и подробное историческое повествование, а на краткие заметки в блокноте, когда нужно быстро записать для себя самое главное. В Евангелиях нет предисловия, введения, плана, заключения. Авторы Евангелий не особо-то волновали стиль и изысканность речи: скорее, они просто не могли не записать то, чему были свидетелями. Поэтому Евангелия далеки от подробного описания жизни Христа: они служат не удовлетворению любопытства, а являются опорными точками для живой памяти о Христе, памяти, которая всегда пребывает в Церкви – так же, как и в блокноте между строчками и пометками живет память о происшедшем...

Само слово «евангелие» в переводе с греческого значит «благая весть» – добрая весть о совершенном Христом спасении человека от уз греха и тирании смерти. От того, кто эту весть приносит – Матфей, Марк, Лука или Иоанн, – ее содержание не меняется: все четыре автора говорят об одной благой вести – Иисусе Христе, Сыне Божиим. Но каждый из авторов замечает то, что ему ближе. Матфей говорит о Христе как исполнении пророчеств Ветхого Завета: его, глубоко укорененного в традиции предков, особо волнует долгожданное спасение от греха и милость Бога к грешнику.

Марк, самый молодой из апостолов, своим Евангелием представляет Христа живо, ярко и сильно – как величественного и могущественного Царя, – но Царя не от мира сего. Лука, врач, спутник апостола Павла, как и положено человеку обстоятельному, старается не упустить из виду ничего важного, поэтому его Евангелие подробнее остальных повествует о Христе. Евангелие от Иоанна стоит несколько особняком: апостол, ближайший любимый ученик Христа, только в глубокой старости решил облечь в слово то, что видели его глаза и осязали руки... Не желая повторять уже написанного другими евангелистами, апостол Иоанн своим удивительно глубоким словом раскрывает неизреченную тайну Сущности Бога – тайну любви.

Евангелие – это вызов. Невозможно прочитать Евангелие и остаться прежним. Евангельское повествование настолько реально, настолько осязаемо являет собой Христа, что читатель неизбежно оказывается перед выбором: либо принять Христа, либо отвернуться от Него. Но оставаться безразличным уже невозможно. Евангелие не оставляет читателя безучастным – оно ждет ответа. И этим ответом становится вера – вера в Евангелие: вера в то, что Иисус Христос и есть Сын Божий, Спаситель мира.

Протоиерей Павел Великанов

Христианство

История человечества не знала личности, которая бы вызывала столько споров, как личность Иисуса Христа. Когда младенца Христа на сороковой день принесли в храм Соломона, чтобы возблагодарить Бога за новорожденного, он был встречен странными пророческими словами: *Вот, лежит Сей на падение и на восстание многих... и в предмет пререканий* (Лк. 2, 34). Эти слова действительно исполняются и по сей день. История знает целые эпохи, которые проходили под знаменем противостояния Христу: это и эпоха Просвещения, когда в христианстве видели главный тормоз развития науки. Это и Новое время, когда европейские мыслители изыскивали любые способы доказать, что Христа вообще никогда не было. И XX век свои первые грозные шаги делал под вдохновением антихристианского цинизма Фридриха Ницше. Революционное лихолетье в России заставило людей четко определиться прежде всего по отношению ко Христу: либо ты вместе с гонителями, либо вместе с гонимыми и мучениками. Но что же в личности Иисуса Христа вызывает столь разное к Нему отношение?

Христос рождается в среде еврейского народа, избранного Богом для сохранения веры в Единого Творца неба и земли. Пророкам было открыто свыше, что именно этот народ даст всему миру Спасителя – Мессию, Который снова вернет

страждущее человечество в рай – Царство Божие. Но современникам Христа гораздо ближе и желаннее оказалась мечта о материальном благополучии и свободе от римских властей, нежели загадочное и далекое Царство Божие. И вот вдруг в этой среде возникает человек, который говорит так, как будто он Сам и есть Бог! Он говорит, что рожден от Девы и может прощать грехи. Он говорит, что существовал вечно. Он учит любви к врагам и прощению любых обид. Он говорит, что придет судить мир в последние времена. Но Христос не только говорит – Он совершает такие невероятные чудеса, которые нельзя игнорировать: исцеляет безнадежно больных, дарует зрение слепорожденному, слух и речь – глухонемым, освобождает мучимых нечистыми духами – более того: одним Своим словом воскрешает мертвых! После воскрешения Лазаря, которое видели многие, народные вожди оказались перед выбором: либо признать, что этот Человек – действительно Тот, о Ком говорили пророки, но это бы означало полный крах мечты о своем благоденствии, либо убить Его, таким образом уничтожив этот камень преткновения! Действительно, Христос постоянно говорил о том, что Его цель – не стать царем и освободить свой народ, а дать людям то, что было утрачено с грехопадением, – мир с Богом, дать не «хлеба и зрелищ», но такую Небесную Пищу, которая бы снова делала людей Сынами и Друзьями Всевышнего. Эти слова приводили в ярость книжников и фарисеев – еврейскую религиозную аристократию. И именно эта безудержная

ярость в итоге пригвоздила Иисуса Христа ко Кресту посреди двух разбойников...

Но Богочеловек не мог оставаться связанным узами адского мрака, куда сходили души всех умерших, – и на третий день Христос воскресает и является своим ближайшим ученикам. Не все поверили в Его Воскресение – даже один из близких учеников, Фома, отказывался верить, пока своими глазами не увидел Распятого, но Воскресшего. Радостная весть – по-гречески «евангелие» – о Воскресении Христа снова сплотила учеников вокруг любимого Учителя. Восстание Христа из мертвых не просто подтвердило Его Божественность: Своею Крестной смертью и Воскресением Христос разрушил стену греха, которая не позволяла человеку приблизиться к своему Небесному Отцу. Сын Божий стал Сыном Девы, чтобы подобно доброму пастырю вернуть заблудившегося в мрачных лабиринтах греха человека к Свету и Жизни.

В первой христианской общине, как свидетельствует Книга Деяний апостолов, *было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имени своего не называл своим, но все у них было общее* (Деян. 4, 32). Но «камень преткновения» не стерся: более того, он стал еще острее. Апостол Павел говорит: *мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие* (1 Кор. 1, 23). Когда воины, приставленные ко гробу Христа, в ужасе прибежали и рассказали о землетрясении и исчезновении тела Христова, первосвя-

щенники и старейшины еврейские, как повествует евангелист Матфей, дали воинам деньги и сказали: скажите, что ученики Его, придя ночью, украли Его, когда мы спали... Они, взяв деньги, поступили, как научены были; и пронеслось слово это между иудеями до сего дня (Мф. 28,13–16).

Языческий мир встретил христиан сначала презрением, затем – лютой ненавистью и гонениями. Римские историки оставили нам подробнейшие описания гонений на христиан. Каких только издевательств не придумывали гонители: христиан толпами, вместе с женами и детьми, бросали на растерзание диким зверям на арене Колизея, из них делали живые факелы в саду Нерона, их колесовали, варили, сжигали, разрывали... «Кто не удивится мужеству мучеников, их терпению и любви ко Господу? Рассекали бичами их тела так, что даже видны были внутренние вены и артерии, но они терпели. Даже стоящие около них плакали от жалости, а они были столь мужественны, что ни один из них не вскрикнул и не восстенал... Подобным образом и те, которые осуждаемы были на съедение зверям, претерпевали многие тяжкие страдания: их простирали на колючих раковинах и истязали другими различными мучениями, чтобы продолжительностью истязания довести их, если это ВОЗМОЖНО, ДО отречения» (Мученичество св. Поликарпа 2, 1–4). Язычников просто выводило из себя упорство христиан в своей вере и готовность идти на смерть, но не бросить крупицу ладана перед идолом! Язычник, не особо-то веривший в своих богов,

не мог понять, откуда у христиан такая вера, такое мужество и такая любовь? Христианский мученик в переводе на русский – это свидетель, свидетельствующий о Христе не словами, а своей кровью. И действительно, это свидетельство христиан оказалось сильнее всей мощи языческой империи. «Ты победил меня, Распятый!» – эта предсмертная агония императора Юлиана Отступника была не только его криком, она была признанием всего умирающего языческого мира...

Протоиерей Павел Великанов

Православие

Как мы недавно говорили, община первых христиан жила удивительной близостью ко Христу и особыми Дарами Святого Духа. Такие сверхъестественные для нашего современника явления, как дар пророчества, знание других языков без обучения им, дар исцелений, изгнания нечистых духов и иных чудотворений, – все это для христиан первых веков было естественно и обычно.

Шло время, менялось и отношение окружающего мира к христианам. Нелицемерная любовь, жертвенность, глубина и сила веры христиан в итоге сломили подозрительность и неприязнь язычников. Первоначально христианство не облекалось в какие-то четкие обрядовые или вероучительные формы – первые христиане жили близостью смерти и встречи со Христом. Но когда гонения прекратились, появилась возможность облечь христианскую истину в формы, доступные и понятные не только горячо верующему сердцу, но и тому, кто был еще слаб в вере – а потому искал разумных обоснований христианства. Так постепенно рождается христианское богословие, оформляется богослужение, во всей красоте являющее миру Таинства Церкви, ранее скрывавшие себя в темноте катакомб.

До середины XI века восточные и западные христиане сохраняли свое единство. Руководители Восточных Церквей

носили титул Патриархов, а глава Западной Римской Церкви именовался папой. Восток сохранил традиционную веру в то, что всеобщей, соборной – по-гречески «кафолической» – Церковью является каждая христианская община, находящаяся в единстве со всеми остальными. Поэтому ни один епископ не имел права вмешиваться в дела другого без его согласия. Особо важные вопросы решались не единолично, а собором всего епископата.

Однако на Западе сформировалось иное представление: первенство чести римского епископа, преемника апостола Петра, в сознании западных христиан постепенно из председательства в любви превратилось в первенство власти. В итоге Рим объявил, что папа может самостоятельно распоряжаться всеми вопросами Церкви – как Западной, так и Восточной. Власть папы была поставлена выше власти Вселенских Соборов. С таким утверждением Восточная Церковь не могла согласиться, поскольку это было изменой древней христианской традиции, разрушением принципа единства и равенства во Христе. А после того, как в 1054 г. папские посланники положили на престол храма Святой Софии в Константинополе акт об отлучении Константинопольского Патриарха, Рим окончательно подтвердил свое отпадение от полноты христианства. С этого момента Восточная Церковь стала именоваться Православной, тем самым показывая чистоту и неповрежденность своей веры, верность изначальному христианству.

В чем же заключается существо Православия? Почему Православие выжило на Балканах, несмотря на турецкое владычество, почему его не стер с лица земли атеистический режим коммунизма? Ответ только один: сила Православия – во Христе. Православие жило и живет не потому, что заботится о своем выживании. Напротив, оно никогда не ставило своей целью заручиться внешними гарантми своей стабильности и непоколебимости. Только одна цель стоит перед Православием – сохранить в себе лик Христа точно таким, каким Его знали первые христиане. Но это невозможно без чистой веры и правильной, богоугодной жизни. Главная забота Православия состояла в том, чтобы через всю историю пронести и сохранить лик евангельского Христа и правильно прославить Его. Само слово «православие» по-гречески «ортодоксия», говорит о правильности прославления Христа как совершенного Бога и совершенного человека. Но в своем основном значении греческое слово «докса» означает мнение или представление о чем-либо. Поэтому Православие – это прежде всего истинное представление человека о Боге.

Образ Христа, бережно хранимый Православием, – это вовсе не образ жаждущего отмщения Судии или, напротив, либерально настроенного моралиста. Нет. Православие свидетельствует о Христе как Спасителе, Который свободно взял на Себя всю тяжесть греха и прошел весь путь человеческой жизни даже до ада. Своим Воскресением Христос Спаситель открывает возможность любому человеку еще при

земной жизни ощутить дыхание жизни Божественной, жизни вечной. Православие говорит о спасении как обожении человека, сообщении ему Божественной жизни и через это – полном освобождении от греха и смерти. Таинства Церкви, в которых действует Дух Святой, являются «островками спасения», опираясь на которые, православный христианин обретает мир с Богом, людьми и самим собой. Православные святые являются самым ярким свидетельством действительного преображения человека Божественным Духом в Православии, уподобления человека Христу.

Красота Православной Церкви заключена в ее бесконечном уважении свободы человеческой личности. Это отличает Православие от иных христианских конфессий, где свобода либо подавляется внешним авторитетом, либо превращается во вседозволенность. Православие считает, что безграничное уважение человека и его свободы обязывает и призывает к такой же безграничной жертве, какой была

Христова любовь, запечатленная на Кресте. На такой жертвенной любви, безграничном смирении и уважении к человеку Бог созидает Свою Церковь. Число православных в мире составляет, по разным подсчетам, от 125 до 200 миллионов.

Истинности православной веры и по сей день находится множество внешних подтверждений, которые доступны любому желающему. Достаточно привести лишь один удивительный пример: на греческом острове Закинф есть дере-

венька, а в ней православный храм, в который каждый год на праздник Успения Божией Матери сползаются ядовитые змеи. В храме они ползают среди людей, залезают на плечи и головы, совершенно никому не вредя. После праздника змеи исчезают. Очевидно, это напоминание нам того, что когда мы с верой прибегаем к Божией Матери, нам не может повредить никакое зло. Это ли не чудо!

...Когда великого французского писателя Франсуа Мориака спросили, в чем он видит надежду на выход из тупика, в котором оказалось современное человечество, писатель ответил: «Единственная светлая точка в будущем человечества – это пробуждение веры у современной русской интеллигенции». Не только у интеллигенции, скажем мы, но и у всего русского народа. Если Ф. Мориак, будучи католиком, видел в таком пробуждении особый смысл для всего мира, не пора ли и нам увидеть его?..

Протоиерей Павел Великанов

Католичество

...Шел 1054 год. В Константинополе, в храме Святой Софии совершалась Божественная Литургия. Неожиданно в алтарь вошли посланники Римского папы и один из них – кардинал Гумберт – положил на престол документ, в котором говорилось об отлучении от Церкви Константинопольского патриарха. Посланцы из Рима за свою дерзость были изгнаны из храма, а патриарх, в свою очередь, отлучил от Церкви папу. Это событие стало началом великого раскола – отпадения Римо-Католической Церкви от Церкви Православной.

Что же послужило причиной этому? Что такое католицизм и чем он отличается от Православия? Чтобы ответить на эти вопросы, следует обратиться к началу истории Церкви.

Ученики Господа шли по городам Римской империи, проповедуя Евангелие. Из обратившихся к новой вере образовывались христианские общины. Они и стали основой для появления Поместных Церквей.

Среди христианских центров начали выделяться такие города, как Александрия, Антиохия, чуть позднее Константинополь и Иерусалим. Но особое место с самого начала занимал Рим – древняя столица империи. Именно там проповедовал первоверховный апостол Петр, и именно там ему при-

шлость пострадать от рук язычников. В Риме почти сразу образовалась самая крупная и влиятельная община христиан. Римского папу – главу общины – стали по праву считать первым и наиболее авторитетным среди патриархов, а Римскую Церковь – первенствующей среди Церквей.

Первоначально все Поместные Церкви пребывали в единстве и соборно решали проблемы, встававшие перед христианами. Таковыми были ереси и секты.

Гармоничное взаимодействие Востока и Запада длилось веками. Но постепенно различия между ними становились все ярче и ярче. Первым шагом к отдалению стала административная реформа императора

Диоклетиана, который для удобства управления поделил империю на две части, Восточную и Западную. Связи между Востоком и Западом стали ослабевать, а после того как святой император Константин Великий перенес столицу в Константинополь, Рим остался на задворках культурной и политической жизни страны.

Ослабевшие связи с Востоком способствовали усилению местных традиций Западной Церкви. Одной из них была самочинная вставка в Символ веры – краткое исповедание основных истин христианства. Символ веры был составлен участниками Первого и Второго Вселенских Соборов. Третий же Вселенский Собор подтвердил точность и правильность исповедания веры и постановил, что ничего прибавлять или убавлять от Символа веры нельзя; тот же, кто дерз-

нет совершить такой поступок, сам отлучит себя от Церкви. Но несмотря на это, западные христиане все же сделали в текст вставку, которая утверждала, что Святой Дух исходит не только от Отца, но и от Сына. Изменение Символа веры и послужило основой разделения. Восточные патриархи долгое время призывали пап к восстановлению единства в вере, но эти попытки не увенчались успехом.

Такую уверенность в своей правоте римские епископы испытывали потому, что стали считать себя непосредственными преемниками апостола Петра. Они говорили, что как Петр был первым из апостолов, так и Римский папа должен быть первым среди всех патриархов. Так оно и было – до отпадения Рима главы Поместных Церквей считали Римского папу наиболее авторитетным среди патриархов. Но католики захотели большего, они стали утверждать, что апостол Петр был преемником Христа и князем Вселенской Церкви. После смерти апостола Петра такая власть перешла к римскому епископу. Папы стали высокомерно призывать восточных патриархов признать господство над ними римского епископа. Но ответ Востока был однозначен: нет и не может быть у Вселенской Церкви земного главы, потому что Глава Церкви один – Христос. Однако папы не только не смирились, они пошли еще дальше...

Чтобы превознестись над прочими епископами, в XIX веке Католической Церковью принимается как незыблемое положение веры утверждение, что «папа непогрешим в де-

лах веры». В современном католическом кодексе говорится: «Верховная кафедра никем не может быть судима» (1556-й канон РКЦ). И сейчас титул Римского епископа имеет следующие наименования: епископ Рима, викарий, то есть заместитель Христа, преемник первейшего князя апостолов, верховный первосвященник Вселенской Церкви, Патриарх Запада и так далее. Римская Церковь стала именовать себя «католической», то есть «вселенской», или «всемирной». Претензия на непогрешимость открыла широкую дорогу для дальнейших нововведений, которые никак не соответствовали истине православного вероучения.

Католики стали учить, что между раем и адом есть промежуточное состояние – чистилище, что прощение грехов можно получить, купив его за деньги, что можно не соблюдать постов и так далее... Католики не стали ограничиваться словами. Они постарались силой навязать Востоку свои убеждения. Так начинаются Крестовые походы, появляются полувоенные монашеские ордена – как тут не вспомнить взятие Константинополя крестоносцами в 1204 году, нападения Тевтонского ордена на Псков в XIII веке и многое другое...

В то же время Римская Церковь положила много трудов на просвещение Юго-Восточной Азии, Африки и Южной Америки. Благодаря католическим миссионерам на этих континентах были основаны христианские миссии, которые и по сей день занимаются благотворительностью, медицинской и гуманитарной помощью местному населению. При-

мером такого самоотверженного служения является недавно умершая мать Тереза, которая всю свою жизнь отдала на служение Богу и людям.

На настоящий момент Римско-Католическая Церковь является самой крупной христианской конфессией. В мире насчитывается около 800 миллионов католиков.

Несмотря на все разногласия, Православная Церковь по-прежнему считает Римско-Католическую Церковь своей заблудшей сестрой и, скорбя, молится о ее возвращении в лоно истинной веры.

Протоиерей Павел Великанов

Протестантизм

Начало XVI века. Европа живет идеями Возрождения. В Риме начато строительство грандиозного собора святого апостола Петра. Но величественный собор, который должен стать символом папского могущества, может остаться недостроенным: не хватает средств. Чтобы поддержать строительство, Папа Лев X благословляет широкую продажу индульгенций – свидетельств о прощении грехов. Один из посланников папы, монах Тецель, прибывает в Германию с правом распространения индульгенций не только за живых, но и за умерших. Тецель ходит по улицам Виттенберга с большим ящичком, напевая песенку: «Как только монетка падает в ящик, так тут же душа выпрыгивает из огня»...

Когда молодой монах, преподаватель Священного Писания Виттенбергского университета, Мартин Лютер увидел такую картину, его душа исполнилась негодования. «Как можно так дерзко, словно на рынке, предлагать за деньги то, что христиане приобретали потом и кровью? Да и как вообще можно торговать спасением души? Но, – и здесь Лютер осекается, – ведь так говорит папа, который не может ошибаться!.. Но тогда зачем было бежать от мирских радостей, боясь гнева Божия, зачем принимать монашеские обеты, когда прощением грехов сегодня торгуют на площади? Столько я лет изучаю Писание – а там нет ни слова о торговле спа-

сением! И все-таки кто же прав: папа или Библия?..»

Вскоре сомнениям пришел конец. Ранним утром 31 октября 1517 года, поднявшись к городскому собору, Лютер прибывает к его дверям бумагу с простым названием – «95 тезисов против индульгенций». Горожане с интересом и удивлением стали читать тезисы Лютера. Никто из них не предполагал, что эта бумага окажется молотом, который расколется Католическую Церковь. Так было положено начало процессу, который позднее историки назовут Реформацией. Так рождалась крупнейшая на сегодняшний день после Католической Церкви христианская конфессия – протестантизм. За сто лет с начала Реформации от Католической Церкви отошло около 90 миллионов верующих. Но и протестантизм с самого начала стал дробиться: он разделился на три главные ветви – лютеранство, кальвинизм (или реформатство) и англиканство. Эти направления, в свою очередь, образовали десятки новых христианских конфессий.

Само название «протестантизм» появилось в начале нового движения. В 1529 году проводился съезд германских князей, на котором решался вопрос об избрании веры. Большинство собравшихся проголосовало за то, чтобы сохранить верность Католической Церкви. Однако несколько князей объявили протест против этого решения. Таким образом возникло ставшее историческим наименование «протестантизм».

Но вернемся к жизнеописанию Лютера. Своим выступле-

нием против индульгенций Лютер поставил под сомнение авторитет Римского папы. Постепенно логика борьбы приводит его к отрицанию и других основ католического учения. Перед воротами Виттенберга Лютер сжигает папскую буллу – документ, отлучавший его от Католической Церкви. Чтобы личным примером показать ненужность дальнейшего соблюдения предписаний Католической Церкви, Лютер слагает с себя монашеские обеты и женится на бывшей монахини.

Его открытое выступление против католицизма неожиданно получило широкий резонанс. Своими пламенными речами Лютер будоражил умы и сердца соотечественников, и без того настроенных против Римской Церкви. Гуманистические идеи римского престола вызывали стойкое неприятие со стороны германских народов. Соотечественники Лютера видели в интересе к античной философии и искусству лишь возрождение ценностей языческого мира, а значит – отступление от христианства. Статьи и памфлеты Лютера, написанные образным и метким языком, тиражировались появившимся печатным станком, благодаря чему Реформация стала быстро набирать силу. Волна антикатолических выступлений захватывала все больше стран, недовольных политикой Рима. Это недовольство носило, скорее, мирские причины. Авторитарность Рима была тормозом на пути европейских государств к самостоятельности. И здесь зажигательная проповедь Лютера, критиковавшего сам принцип папского единовластия, оказалась как нельзя кстати.

Центральным вопросом Реформации был вопрос религиозного авторитета. В истории христианства Лютер находил основания для своей борьбы с папством: «Ни Собор Никейский, ни первые отцы

Церкви, ни древние общины Азии, Греции, Африки не были подчинены папе; да и сейчас на Востоке существуют истинные христиане, у которых епископы папе не подчинены... Не вопиющая ли несправедливость – извергать из Церкви и даже из самого неба такое великое множество мучеников и святых, какими в течение четырнадцати веков прославлена Восточная Церковь?» Отвергнув папскую власть, Лютер стал искать иную опору для религиозной жизни.

Не захотев обратиться к существующим Православным Церквам, Лютер находит единственную опору в Священном Писании. Так появляется учение Лютера о «священстве всех верующих», в силу которого каждый христианин вправе читать Писание и понимать его так, как подсказывает его совесть и разум. Отвергнув католическое учение о чистилище и значении добрых дел, Лютер проповедует спасение только верой, которая сама по себе, без дел, оправдывает человека перед Судом Божиим. Лютер говорит о том, что все человеческие дела отравлены грехом, и даже сама воля человека бессильна в выборе добра и зла. Эта идея была развита Кальвином, отцом Реформации в Швейцарии. Кальвин считал, что после грехопадения человек совершенно потерял свобо-

ду воли и от него даже не зависит, принять ли дар веры или же противиться ему: все это совершается помимо его воли. Но если одни имеют веру, а другие – нет, значит, одни predeterminedены Богом ко спасению, а другие – к погибели.

Но как узнать, попал ли ты в число избранных Богом? Изначально выступая против обмирщения Католической Церкви, в итоге протестантизм приходит к еще большему проникновению мирского духа в сознание верующих. Протестанты стали утверждать, что успех в мирских делах является единственным свидетельством того, что человек predeterminedен ко спасению! До этого времени в христианстве богатство считалось духовной опасностью. Теперь понятия переворачиваются: если ты богат, если ты хороший купец, коммерсант, предприниматель, значит, на твоих делах пребывает благословение Божие! Отвергнув церковный аскетизм, Лютер выдвинул принцип «мирской аскезы»: цель любого труда – уверение себя в богоизбранничестве посредством видимых знаков успешного ведения дел. Поэтому прибыль становится не средством, а самоцелью: богатство дает ощущение уверенности в своем спасении...

Последние годы жизни Лютера были тяжелыми: он видел, как политические выгоды Реформации свели на нет его усилия к пробуждению интереса к Слову Божию. Люди легко отказывались от католичества, но среди них не было заметно даже прежнего благоговения и интереса к Писанию. Страх в правоте своих действий, который временами одолевал Люте-

ра, оказался небезосновательным. Отвергнув Католическую Церковь, Реформация распахнула двери, через которые на Запад хлынуло религиозное разномыслие. Впоследствии оно породило сомнение и в самих истинах веры. Не пройдет и трех веков с начала Реформации, как лезвие протестующей критики, доселе отсекавшее «наслоения» на истинном христианстве, с такой же холодной рассудочностью обратится и против самого Священного Писания, а вместе с ним – и всего христианства...

Протоиерей Павел Великанов

Вериги

В языке светского человека есть понятие, выражающее недоумение и страх самодовольного ума перед лицом подвижника. Психологически самый простой способ изжить гнетущее недоумение и страх – осудить то, что их вызвало. Этот жест дает чувство превосходства, успокаивая раздраженное самолюбие. Именно таково понятие «религиозный фанатизм». Слабому человеку совсем нетрудно простить сильному его силу, если уверить себя в том, что ее источником является болезнь безумия.

Примерно таков смысл разговора, который ведут между собой любопытствующие экскурсанты, рассматривая вериги преподобного Сергия. «Эти тяжелые цепи и металлические пластины использовались святыми для умерщвления плоти и подавления страстей», – поясняет экскурсовод. Но едва ли он способен объяснить, почему вериги возлагает на себя апостол Петр, который к тому времени уже воскрешает мертвых и творит другие чудеса. Но в то же самое время молодому монаху, находящемуся в самом начале аскетического пути, для которого вопрос борьбы со страстями более актуален, ни один старец, скорее всего, не позволит сделать этого.

Между тем поставленный вопрос имеет отнюдь не частный характер. Ведь вериги можно рассматривать как явный образ того бремени, которое возлагает на себя всякий веру-

ющий: это молитвенный труд, посты, терпение обид и волевое укрощение страстей – словом, все то, что противно биологической природе живого существа. Зачем это издевательство над собой? К чему изнемогать под тяжестью вериг? Не лучше ли идти по жизни радостно и налегке?

В «Приключениях барона Мюнхгаузена» есть рассказ под названием «Мои чудесные слуги». Турецкий султан посылает Мюнхгаузена в Египет со сверхважным секретным поручением. В ходе этого вояжа барон приглашает к себе на службу удивительных людей: один из них обладал настолько тонким слухом, что мог услышать шум растущей травы; другой выстрелом убивал воробья на расстоянии нескольких дней пути; третий голыми руками вырывал из земли вековые деревья; четвертый был помощником мельника и вращал крылья мельниц, зажав пальцем левую ноздрю и выдувая из правой целый ураган. Пятый слуга оказался скороходом. Вот как описывает автор сцену встречи: «Едва я отъехал от турецкой столицы, как мне попался навстречу маленький человек, бежавший с необыкновенной быстротой. К каждой его ноге была привязана тяжелая гиря, и все же он летел как стрела.

– Куда ты? – спросил я его. – И зачем ты привязал к ногам эти гири? Ведь они мешают бежать!

– Три минуты назад я был в Вене, – отвечал на бегу человек, – а теперь иду в Константинополь поискать себе какой-нибудь работы. Гири же повесил к ногам, чтобы не бе-

жать слишком быстро, потому что торопиться мне некуда».

Так эпизод из сказки проясняет религиозную логику веригиношения. Это не что иное, как логика силы.

«Крепка, как смерть, любовь». Это выражение из Песни песней заставляет помыслить любовь уже не как чувство, но как силу. А если любовь – сила, ее можно вполне понять в терминах динамики. Сущностью любой силы является ее стремление выразиться в действии. «Гений, прикованный к чиновничьему столу, должен умереть или сойти с ума», – говорит Лермонтов. «Да, брат Пушкин, тяжело писать стихи!» «Можешь не писать – не пиши», – отвечает поэт, тем самым ясно утверждая: силу таланта удержать или скрыть в себе невозможно. Непризнанного гения не бывает, так же как не может быть «города, скрытого на вершине горы». Музыкант тоскует без инструмента, у физически сильного человека в праздности и вне ситуации борьбы, что называется, «чешутся руки». В любви человека к Богу ясно прослеживается та же ситуация: «Не могу я вместо “раздай все” давать лишь пятак, вместо “следуй за Мною” ходить лишь к обеду» – так поясняет свое решение пойти в монастырь младший брат Алеша Карамазов. Тяжесть обетов выражает модуль любовной силы, так же как художественный масштаб произведения – величину таланта.

Вектор же этой любовной силы очевиден: сотворить добро любимому, помочь, спасти, «положить жизнь за други своя». Итак, любовная сила тревожит человека, побуждая его по-

могать, спасать, жертвовать собой. И трагедия религиозной любви состоит в том, что Бог, на Которого она направлена, самодостаточен. Ему невозможно оказать даже мелкой услуги. Христос в Гефсиманском саду отклоняет заступничество Петра словами: *возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут; или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов?* (Мф. 26, 52–53).

К счастью, там, где невозможно что-то «сделать для», всегда остается возможность «сделать ради». Эта возможность, если ею воспользоваться, не оставляет места несчастью неразделенной любви. Наверное, поэтому Христос указывает на возможность обратить на ближнего ту любовь, которая стремится к Богу: *Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе? И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне* (Мф. 25, 37–40).

Посты и молитвенные стояния, обеты и разнообразное служение в миру, как все прочие тяготы, это не самоцель веры, а ее плоды. Иногда – упражнение в любви. Так что вериги – в самом широком смысле – это не инструмент для умерщвления плоти. Это всего-навсего «гири», которые привязал

к своим сильным ногам «сороход» Симон Петр. Он не мог не бежать, но после Гефсимании, Воскресения и Вознесения убедился в том, что «торопиться ему некуда».

С.А. Мазаев

Вечные вопросы

Разум, занятый поиском истины, встречается на своем пути три группы проблем, которые традиционно относят к разряду сверхсложных. Таковы, например, математические задачи «Миллениум», многие из которых ждут своего решения уже не одну сотню лет. Ученый, который успешно справится хотя бы с одной из них, несомненно, будет признан гением. Существуют ситуации, которые вообще не могут быть распутаны логическим путем. Это так называемые парадоксы, способные убедить гордого человека в том, что сложность мира превосходит его аналитическую способность: «Есть много в мире, друг Горацио, что и не снилось здешним мудрецам». И наконец, есть философские коллизии, традиционно называемые «вечными вопросами». То обстоятельство, что некоторым людям все же удастся справиться с ними, заставляет отличать «вечные вопросы» от парадоксов. А то, что для решения здесь не требуются специальные знания и гениальность мышления, дает основание полагать, что «вечные вопросы» нельзя отнести и к разряду сложнейших задач науки.

Специфика большинства философских вопросов вообще заключается в том, что они не могут быть решены чисто теоретически. Среди философов известен профессиональный анекдот о красавице и ее поклоннике, позволяющий уяснить особенность «вечных» проблем: «Поклонник долго борется

со смущением и, наконец, спрашивает: “Красавица, ты пошла бы замуж за меня?” “Извини, – холодно отвечает та. – Я не понимаю смысл этого вопроса, пока он задан в сослагательном наклонении”».

Здесь нет никакого кокетства: поставлен вопрос о бытии, причем изнутри ситуации самого бытия, возвыситься над которым не может ни девушка, ни ее поклонник. Поставленный сугубо теоретически, этот вопрос становится абсурдным, ибо предполагает некую условную ситуацию, в которой красавица не была бы сама собой, а ее поклонник тоже являлся кем-то иным. Собственно, есть только один способ узнать волю девушки – предложить: «Выходи за меня!» – то есть задать вопрос практически, совершить вопрос-по поступок, предполагающий мужество нести ответственность за свое любопытство.

«Вечный» вопрос, будучи одним из тех, что задаются изнутри бытия, имеет ту же особенность: он корректно задается и успешно разрешается не столько посредством ума, сколько посредством поступка. Это означает, что «вечный» вопрос не предполагает четко сформулированного и достаточно обоснованного ответа. Решить его – значит сделать шаг, преодолевающий проблему твоего бытия, ту самую, что болезненно отразилась в уме в виде четырех слов: «в чем смысл жизни?»

Стоит обратить внимание на то, что двое – ребенок и святой – в процессе жизни не задаются вопросом о ее смысле.

Их жизнь полна и тождественна радости. Так что спрашивать о смысле жизни – все равно что спрашивать о смысле радости: это абсолютная ценность, над которой нет ничего, и потому ее нельзя рассматривать как средство, но логично мыслить как последнюю цель.

Так, маленький мальчик, заметив, как рабочие затеяли ремонт улицы, спрашивает отца:

– Папа, а что делают эти люди?

– Они хотят поставить бордюры и насыпать между ними земли.

– А зачем?

– Затем, чтобы посадить цветы и сделать клумбу.

– А зачем они хотят сделать клумбу?

– Чтобы было красиво.

На этом любопытствующий ребенок умолкает. Он интуитивно понимает, что спрашивать о том, зачем нужна красота, уже нельзя. Не все на свете можно рассматривать в качестве средства – существуют вещи, являющие собой конечную цель, полагающие предел прагматизму. Именно поэтому Оскар Уайльд завершает свое эстетическое кредо фразой: «Всякое искусство совершенно бесполезно».

Тот, кто не причастен к радости, а значит, не имеет полноты бытия, ничего не знает о подлинной жизни. Именно поэтому он ищет то, что могло бы ее оправдать. Так поступает невежда, который, не умея увидеть красоты, заключенной в картине, ищет хозяйственное применение ее холсту.

«Вечные» вопросы не имеют ответа именно потому, что заданы неправильно и представляют собой, скорее, симптомы болезни, свидетельствующие о бытийной неполноте того, кто его задает. Любой ответ будет неудовлетворительным, ибо болезнь излечивается лекарством, а не рецептом, голод насыщается яствами, а не рассказами «о вкусной и здоровой пище».

Так, в ветхозаветные времена «был человек в земле Уц, имя его Иов; и был человек этот непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла»⁵. Он был очень богат, «знаменитее всех сынов Востока». «Сыновья его сходились, делая пиры каждый в свой день, и приглашали трех сестер своих есть и пить с ними». Но однажды Иов потерял все, сыновья его погибли. Страшная болезнь – проказа – поразила праведника от макушки до пяток. Сидя в куче золы вне города, он задавал свои «вечные» вопросы: зачем Бог творит человека и допускает мучения творенью рук Своих? Если же не Бог, а сам человек повинен в своих несчастьях, то почему праведники страдают, в то время как незаконные счастливо избегают лишений и бед? И есть ли в таком случае смысл удерживать себя в Законе Божиим? Товарищи, пришедшие к страдальцу, несмотря на всю свою мудрость, оказались «плохими утешителями». Тогда сам Бог говорит с Иовом «из бури». На первый взгляд, Творец уходит от ответа – Он просто рассказывает о том, как создавал мир. Но в разворачиваю-

⁵ См. ветхозаветную Книгу Иова. – *Прим. ред.*

щейся по ходу рассказа картине Иов вдруг видит Личность Художника. И это сразу снимает все вопросы: «Я говорил о том, чего не разумел, о делах чудных для меня, которых я не знал. Выслушай, взывал я, и я буду говорить, и что буду спрашивать у Тебя, объясни мне. Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле».

Так Иов разрешил свое затруднение. И дело даже не в том, что он получил назад все, что потерял. Благодаря чистоте праведного сердца он увидел Бога и обрел ту полноту бытия, которая сама собою снимает все «вечные» вопросы.

С.А. Мазаев

Разум

Современная культура, привыкшая превыше всего ценить технологию, в изобилии предлагает «матрицы гениального мышления». Дианетика Рона Хабарда обещает усовершенствовать разум – «твое оружие» – посредством эксклюзивных схем и практик. Предложение потрудиться и пострадать ради заветной цели воспринимается как архаика и отсталость от века.

Абсолютное большинство людей имеют смутное представление о том, чем именно отличается гениальный ученый от посредственного исследователя. Предел понимания, как правило, представлен мифами и метафорами. Представление о гениальности оказывается связано с выражением «человек семи пядей во лбу». Нам кажется, будто гениальный ученый обладает каким-то особым складом ума, мыслит принципиально иными схемами, лежащими по ту сторону нашего разумения.

Между тем совершенно очевидно, что отличие гения от посредственности лежит вне интеллектуальной плоскости. Хрестоматийный пример – Шерлок Холмс и доктор Ватсон. По закону жанра, после успешного окончания очередного расследования оба друга сидят у камина и мирно беседуют о произошедших загадочных событиях. Холмс излагает Ватсону ход своих умозаключений, приведших его к разгадке

криминалистической задачи. Обратим внимание на то обстоятельство, что «недалекий» Ватсон всегда оказывается в состоянии уяснить объяснение. Более того, он часто восклицает: «Боже мой! Как все оказывается просто! Я бы и сам должен был догадаться!» То есть его ум легко вмещает все то, что составляет гениальные дедуктивные схемы Холмса.

То, что сказано одним человеком, всегда может быть понято другим. Теорию относительности сегодня рассказывает своим ученикам самый заурядный учитель средней школы. Но возникает вопрос: если ум у всех одинаков, то почему этот сельский учитель не может заменить Альберта Эйнштейна? Почему, если Ватсону всегда все понятно по окончании расследования, то, сталкиваясь с новой загадкой, он снова впадает в ступор?

Если «вынести за скобки» опыт ученого, степень владения им языком и инструментарием соответствующей научной теории – то есть все то, что составляет мастерство или приобретенную способность, мы увидим это затруднение чистого разума.

Существует несколько фильмов о приключениях знаменитого авантюриста-археолога. Один из них повествует о поисках Священного Грааля. Вход в крипту, где хранится священный артефакт, дарующий вечную жизнь, оказывается защищен хитроумными древними механизмами крестоносцев. Успешно миновав все ловушки, в самом конце сложного пути археолог сталкивается с последним испытанием, спра-

виться с которым едва ли проще, чем с предыдущими. Можно досадовать сколько угодно, но, глядя на Чашу, ты ее не видишь; ее можно потрогать, но нельзя унести. В чем же дело? Механизм последнего испытания до гениального прост: чаш много – искомый трофей сокрыт многообразием ложных целей.

Именно таков характер трудности, которую испытывает познающий разум в поисках истины. Истину приходится не столько искать, сколько выбирать. Здесь – при прочих равных условиях – гениальный ученый начинает отличаться от посредственного исследователя: в большинстве случаев он выбирает именно тот путь, который ведет к решению задачи. Каким же образом?

Когда отсутствуют рациональные основания для выбора, остается одно – положиться на интуицию: какому пути больше доверяешь? И здесь срабатывает сугубо психологический момент: подобное тянется к подобному; человек в первую очередь доверяет себе, а во вторую – тому, у кого с ним много общего. «Рыбак рыбака видит издалека». Причем не только видит издалека, но даже на расстоянии начинает испытывать к нему доверие и предвкушает радость встречи.

Что же сказать о гениальном ученом, если он всегда доверяет истине, а доверие возникает между подобными, как две капли воды, вещами? Очевидно то, что он подобен истине. Или что он такой же, как истина, – ясный, сильный, простой, чистый и целостный. То есть святой.

И наоборот. Тот, у кого мало общего с истиной, не доверяет ей. Он не может самостоятельно увидеть истину, даже глядя на нее во все глаза, как Понтий Пилат. Такой ученый склонен удаляться от истины, выбирая путь, более соответствующий собственному душевному состоянию. Он смотрит на истину, но проходит мимо, не поверив в нее. Так когда-то люди смотрели на Христа и насмешливо говорили: «Что говоришь? Ты – Царь Иудейский? Да откуда ты взялся? Может ли из Галилеи быть что хорошее?» Ученые книжники не разглядели в Плотнике из Назарета Того, о Ком повествовали их книги, в то время как безграмотные рыбаки, услышав: «Я есмь Путь, Истина и Жизнь», не испытали сомнений. Просто потому, что эти рыбаки были такими же, как Он, – насколько это возможно человеку.

Интеллект, вопреки уверениям науки, не требует развития. Тугодумие и бессилие человека перед замысловатой задачей объясняются иначе. Интеллект можно сравнить с мощным двигателем хорошего автомобиля. Однако бывает и так, что хорошего двигателя недостаточно для развития нужной скорости. Мотор работает ровно и мощно, на предельных оборотах, а автомобиль при включенной передаче тем не менее едва-едва продвигается по дороге. В чем же дело? Колеса увязли в грязи – приходится выходить из машины и высвободить их тяжелым, напряженным трудом.

Именно эту задачу, по всей вероятности, имел в виду Декарт, составляя свои знаменитые «Правила для руководства

ума», с помощью которых возможно решать задачи любой сложности. Великий математик, по-видимому, был убежден, что совершенствовать разум – значит бороться со страстями, и даже редкие примеры «злых гениев» не могли поколебать этой уверенности, «ведь человеческий ум, – пишет он, – заключает в себе нечто божественное, в чем были посеяны первые семена полезных мыслей, так что часто, как бы они ни были попираемы и стесняемы противными им занятиями, они все-таки производят плод, вызревающий сам собой».

С.А. Мазаев

Наука и вера

«Наука доказала, что Бога нет» – как часто звучали эти слова в недавнем нашем прошлом. Да и не только в советские времена такое говорилось... Когда Наполеон спросил астронома Лапласа, какое место в своих рассуждениях о строении вселенной он отводит Богу, тот ответил: «Я не нуждаюсь в этой гипотезе!»

А ведь Лаплас был по-своему прав: эта гипотеза ему была не нужна. Научная теория, которая вместо объяснений окружающего мира повторяла бы: «Так Бог сотворил», уже не была бы научной теорией.

Смысл науки именно в том, чтобы раскрыть тайну мироздания: как оно устроено, каким мог быть механизм его возникновения? Но первопричину его бытия невозможно выявить путем эксперимента или точного расчета.

На самом деле, наука вовсе не исключает веры. «В действиях природы Господь Бог является нам не менее достойным восхищения образом, чем в божественных стихах Писания», – это слова Галилео Галилея. «Природа есть в некотором смысле Евангелие, благовествующее громко творческую силу, премудрость и всякое величие Бога. И не только небеса, но и недра земли проповедуют славу Божию», – это сказал Михаил Васильевич Ломоносов. И третья цитата: «Я верю в Бога как в Личность и по совести могу сказать, что

ни одной минуты моей жизни я не был атеистом» – Альберт Эйнштейн.

Есть, разумеется, и ученые-атеисты. Выбор между верой или неверием стоит перед каждым человеком, и ученый тут не исключение. Но откуда же вообще взялось это противопоставление научного знания и веры?

В древности, когда писались Библия и другие священные книги, когда создавались церковные обряды и правила, еще не существовало науки в том смысле, в каком мы знаем ее сегодня. Люди располагали только отдельными элементами научного знания, но они сочетались с самыми причудливыми мифами и неверными догадками. Церковные писатели той поры в этом смысле не отличались от людей своего времени. Например, «Шестоднев» святого Василия Великого, книга, посвященная сотворению мира, говорит о том, Кто сотворил небо и землю. При этом святитель представляет себе Землю плоской, а небо – куполом, который накрывает ее. «Советую тебе, – убеждает он читателя, – не доискиваться, на чем земля основана».

Для духовной жизни человеку действительно безразлично, как именно устроены небо и земля, и в этом смысле совет совершенно верен. Но пытливым человеческий ум не может отказаться от поиска... Сначала людям удалось выяснить, что Земля шарообразна, потом – что она вращается вокруг Солнца, и, наконец, что наше Солнце – лишь одно из неисчислимого множества светил. И тогда в сознании мно-

гих людей зародилась мысль: значит, именно наука, а не вера открывает нам тайны мироздания. Прежде люди слишком поспешно обращались к Библии в поисках ответов на естественно-научные вопросы, теперь они стали обращаться к научным трактатам ради духовных истин.

И то, и другое, разумеется, неверно. Может быть, пройдут еще несколько столетий, и научная картина мира изменится до неузнаваемости – то, что сегодня считалось передовой теорией, будет выглядеть так же архаично, как сегодня выглядят представления о плоской Земле и небесном куполе. Библия и Церковь не говорят на языке научных теорий ни первого, ни двадцать первого, ни тридцать первого века. Теории, по меркам Церкви, устаревают слишком быстро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.